

Шун Карден

(Siún Carden) — научный сотрудник

Центра островного творчества

Университета Хайлендс и островов

в Шетланде. Ее профессиональная

специализация — социальная

антропология, а научные

интересы охватывают креативные

экономики, искусство и социальные

практики, островные сообщества

и текстильное искусство,

в частности трикотаж.

siun.carden@uhi.ac.uk;

siunmtc@hotmail.com

Аутентичность и локализован- ный трикотаж: **вязание в технике фэр-айл и аранское вязание на Шетландских островах и на западе Ирландии**

Аннотация

В статье исследуется понятие аутентичности в том виде, в каком оно понимается и используется в сообществах мастеров на Шетландских островах и в Ирландии — регионах, традиционно связанных с вязанием в техниках фэр-айл и аран.

На основе пятнадцати анонимизированных интервью и наблюдений, собранных в ходе исследования 2018–2019 годов, аутентичность рассматривается через четыре ключевые темы: место, ручной труд, материалы и подлинность. Те, кто занимается вязанием, имеющим отношение к малым островам, неизбежно сталкиваются

Статья впервые
опубликована
в журнале
Textile. Cloth
& Culture
(опубл. онлайн
15 сентября 2022)

с ожиданиями и представлениями об аутентичности и ведут постоянный диалог о том, что в их локальном контексте можно считать подлинным и ценным. Ощущение себя частью местной культуры вязания требует от мастеров осознанного позиционирования себя относительно существующих представлений об аутентичности — как тех, что формируют глобальный рынок трикотажа, так и тех, что особенно дороги их ближайшему окружению.

Хотя в общении между производителями и покупателями важную роль играют как «романтические», так и «просветительские» модели аутентичности, внутри локальных сообществ мастеров ключевым оказывается понятие «реляционной» аутентичности.

Ключевые слова: аутентичность; вязание; острова; Ирландия; Шетланд.

Введение

Тема аутентичности неизменно возникает при обсуждении практик вязания и трикотажных изделий, связанных с определенными географическими точками. Аутентичность локальных ремесел обычно понимается как прочная связь изделия с конкретным местом, обоснованность его принадлежности к значимой исторической традиции и его уникальность на фоне массового производства. Перед исследователями, которые рассматривают аутентичность в сфере ремесленного производства в первую очередь как социально сконструированную систему ценностей, а не стремятся определить, какие именно ремесленные практики можно считать аутентичными, встает целый ряд непростых вопросов.

Во-первых, и аутентичность, и ремесло представляют собой многозначные и спорные понятия со сложными и взаимосвязанными историческими траекториями. Во-вторых, озабоченность вопросами аутентичности нередко отражает стремление утвердить некую «чистоту» происхождения и практики, что предполагает исключающий характер, маргинализируя смешанные или гибридные формы и тем самым затмняя историю угнетенных ремесленных традиций (см.: Patel 2020: 175; Kırıoğlu 2022: 241). В-третьих, обсуждение аутентичности в контексте вязания легко перерастает в поиски «подлинного», которые, как отмечают многие исследователи, оказываются бесконечными и безрезультатными. Такая «погоня за аутентичностью может быть вечной, порожденной экзистенциальным отчуждением, присущим человеческому существованию» (Canavan & McCamley 2021: 8).

Тем не менее даже если идеальный образ аутентичности — всего лишь мираж, он невероятно притягателен. Это притяжение глубоко переживается и используется разными участниками рынка вязания и профессиональных сообществ — как более, так и менее осознанно и этично.

Сила этой тяги к реальности — а затем к еще более «подлинной» реальности — напоминает короткий рассказ Д. Г. Лоуренса «Человек, который любил острова» (Lawrence 1997: 151). Герой рассказа покупает небольшой остров, мечтая превратить его в «совершенное место... маленький мир чистого совершенства» (*Ibid.*: 153). Однако, не найдя ожидаемого уединения, он переселяется на еще меньший остров, который тоже вскоре начинает казаться ему перенаселенным, пока наконец «его остров не становится для него ненавистным, вульгарным, провинциальным» (*Ibid.*: 166). В конце концов он перебирается на третий, еще меньший остров, где становится единственным жителем, но и здесь его стремление к изоляции нарушают «Стихии! Стихии!» (*Ibid.*: 173).

Эта почти аллегорическая история иллюстрирует один из способов, которыми малые острова воображаются из материковой перспективы в контексте европейского модернизма и модернности (Franks 2006: 106). Пищущий о феномене регулярных «переселений» материковых жителей на острова Гиллис отмечает: «Острова, представляемые как особенно историчные или близкие к природе места, утоляют современную жажду той аутентичности, которой, кажется, так не хватает на материках» (Gillis 2007: 280).

Ремесло тоже часто воспринимается как нечто «особенно историчное или близкое к природе» — как убежище, в котором можно скрыться от современности и механизированного мира. Хотя понятия ремесла и аутентичности тесно связаны, «когда ремесло называют аутентичным, это может означать самые разные вещи и опираться на самые разные эпистемологические концепции и политические повестки», как отмечает Сара Кеттли (Kettley 2016: 170). Размышляя о ремесле, Кеттли выделяет три модели аутентичности: «романтическая аутентичность», восходящая к наследию движения «Искусства и ремесла» и предполагающая единство процесса, формы и функции, приоритет ручного труда и личного самовыражения; «просветительская аутентичность», которая требует прозрачности производственного процесса и стремления к установлению универсальных истин; и «реляционная аутентичность», основанная на идеях гуманизма и проявляющаяся через процессы приверженности и взаимности между участниками ремесленной практики (*Ibid.*: 170–171).

Современное восприятие ремесла характеризуется «размытой одновременностью» (Kettley 2010: 13), когда все эти модели аутентичности сосуществуют и переплетаются. Далее Кеттли пишет, что современное ремесло можно рассматривать как нечто текучее: одновременно процесс, объект и культурную рамку (*Ibid.*: 14). Через такую рамку ремесло позволяет осмысливать целые территории: в Великобритании и Ирландии это чаще всего небольшие острова.

По наблюдению Харлинг Сталкер и Бёрнетт, «острова — а также ремесла (Luckman 2015) — нередко воспринимаются как воплощение „подлинности“» (Stalker & Burnett 2016: 196). Учитывая тесную взаимосвязь между понятием аутентичности и ремеслом, а также между аутентичностью и малыми островными территориями, стили вязания, названные в честь небольших островов — такие, как шетландская техника фэр-айл с ее многоцветным узорным вязанием с протяжками (ил. 1 и др. иллюстрации см. во вкладке 1) и ирландское аранское вязание с характерными рельефными косами (ил. 2), — оказываются дважды маркированы как принадлежащие к пространству, в котором аутентичность, даже если ее сложно определить, признается идеалом. Остров Фэр-Айл — небольшой остров с населением около 55 человек, входящий в состав Шетландских островов — архипелага, расположенного к северу от побережья Шотландии. Острова Аран представляют собой группу из трех островов, лежащих у западного побережья Ирландии.

Сегодня Шетландские острова и районы Ирландии, связанные с аранским вязанием, имеют между собой много общего как современные центры производства трикотажа. В обоих регионах существуют небольшие фабрики по производству трикотажа и объединения дизайнеров-ремесленников, действуют программы формального текстильного образования в университетах и стажировки на предприятиях. Кроме того, в обоих местах сохранилась традиция домашнего вязания, которое некогда было важнейшей частью местной трикотажной индустрии и, хотя сегодня оно в значительной степени превратилось в хобби, все равно продолжает оставаться важным элементом мифологии (по Шотландии см.: Abrams 2005 и McHattie et al. 2018; по Ирландии: Cleir 2011 и Carden 2014). Оба региона представляют собой сложное переплетение текстильных практик — от коммерческого производства до ремесленного туризма, — где современное профессиональное и любительское производство неизбежно рассматривается сквозь призму традиций и культурного наследия.

В ходе общения с представителями индустрии вязания и смежных практик в обоих регионах, в рамках исследования 2018–2019 годов,

поддержанного Фондом Карнеги, тема аутентичности (пусть само слово звучало нечасто) всплывала регулярно. В рамках проекта проводились полуструктурированные интервью, полевая работа, участие в шетландских сетевых сообществах вязальщиков, а также кабинетные исследования, посвященные изучению понятия «умения» в производстве трикотажа в Шетланде и на западе Ирландии. В Шетланде исследования велись на островах Мейнленд, Фэр-Айл и Йелл; в Ирландии — на острове Иниш-Ман (Аранские острова), а также в графствах Голуэй и Донегол. Всего было записано восемнадцать интервью, однако состоялось гораздо больше значимых неформальных бесед. Почти в каждой беседе участники размышляли о том, что делает их практики или практики других подлинными, приемлемыми и правильными в их локальной ситуации — иными словами, аутентичными. Опираясь на четырнадцать анонимизированных интервью и наблюдения, собранные в рамках данного исследования, я рассмотрю понятие аутентичности в связи с четырьмя темами, которые неизменно вызывали обсуждение вопросов аутентичности: место, ручной труд, материалы и подлинность. **Продолжение и иллюстрации см. в печатной версии.**